

Чувашские былички: содержательный компонент

<https://doi.org/10.31483/r-106577>
УДК 801.81(=512.111) + 398.2(470.5)
(=470.344)

Федотова Е. В.

Чувашский республиканский институт образования
Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики,
г. Чебоксары, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-3479-7455>, e-mail: elena.fedotova.73@inbox.ru

Резюме. Работа посвящена анализу текстов чувашских быличек, записанных с конца XIX по начало XXI вв. в чувашских селениях Волго-Уралья. Цель исследования – выявить особенности содержания текстов чувашских быличек, ввести их в научный оборот. В исследовании представлена классификация быличек, составленная автором. Работа опирается на архивные и собственные полевые материалы. Тексты анализируются в дескриптивном аспекте, вместе с тем в работе автор обращается к этнографическому и лингвистическому подходам. Отличительной особенностью чувашской былички является ее содержание: описание пейзажа, обстановки, традиционного костюма, украшений, локальных особенностей культуры. Кроме того, быличкам присуще перечисление эндемичных топонимов, деталей, использование определенных наборов сюжетов, упоминание предметов быта, орудий труда, предметов упряжи, выполнение разного рода деяний. Самыми удивительными необходимо признать повествования о превращениях людей со сверхъестественными способностями в предметы быта (сукно, стул, подушку) или в животных (кошку, собаку, теленка, ягненка) и обратно в человека, превращения заложных покойников в лошадей, предметов упряжи. Концовка быличек – обережная часть – часто содержит в себе синкретизм двух религий: дохристианской и христианской.

Ключевые слова: быличка, чувашский фольклор, классификация, традиционное бытование, мифологический персонаж, содержательный компонент.

Финансирование. Работа была выполнена параллельно при сборе, выявлении и систематизации текстов быличек для составления тома «Чувашское народное творчество. Былички» свода чувашского фольклора в отделе литературоведения и фольклористики (ныне филологическое направление, секция фольклористики) Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия).

Для цитирования: Федотова Е.В. Чувашские былички: содержательный компонент // Этническая культура. 2023. Т. 5, № 2. С. 53-60. DOI 10.31483/r-106577. EDN CJGNVZ

Chuvash mystical stories: content component

Elena V. Fedotova

Chuvash Republican Institute of Education of the Ministry of Education
and Youth Policy of the Chuvash Republic
Cheboksary, Russian Federation

 <https://orcid.org/0000-0002-3479-7455>, e-mail: elena.fedotova.73@inbox.ru

Abstract. The work is devoted to the analysis of texts of Chuvash epics recorded from the end of the XIX to the beginning of the XXI centuries. in the Chuvash villages of the Volga-Ural region. The purpose of the study is to identify the features of the content of the texts of Chuvash bylichek, to introduce them into scientific circulation. The study presents the classification of bulls compiled by the author. The work is based on archival and own field materials. The texts are analyzed in a descriptive aspect. At the same time, the author turns to ethnographic and linguistic approaches in the work. A distinctive feature of the Chuvash bylichka is its content: a description of the landscape, furnishings, traditional costume, jewelry, local cultural features. In addition, bylichkas are characterized by enumeration of endemic toponyms, details, the use of certain sets of plots, the mention of household items, tools, harness items, and the performance of various kinds of deeds. The most amazing are the narratives about the transformations of people with supernatural abilities into various household items (cloth, chair, pillow) or into animals (cat, dog, calf, lamb) and back into a person, the transformation of the mortgaged dead into horses, harness items. The ending of the epics often contains the syncretism of two religions: pre-Christian and Christian.

Keywords: Chuvash folklore, bylichka, classification, traditional existence, mythological character, content component.

Funding. This study was done in parallel with the collection, identification and systematization of texts of byliches for the volume “Chuvash Folk Art. Bylichki” of Chuvash folklore in the Department of Literature and Folklore Studies (now the Philological Department, Section of Folklore Studies) of the Chuvash State Institute of Humanities (Cheboksary, Russia).

For citation: Fedotova E.V. (2023). Chuvash mystical stories: content component. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(2), 53-60. EDN: CJGNVZ. <https://doi.org/10.31483/r-106577>.

Введение

Былички представляют собой рассказы о встрече человека с таинственными силами. В русской культуре такого рода мифологические рассказы и их персона-

жи послужили основой для создания художественных произведений. Например, И. С. Тургенев написал «Бежин луг», А. С. Пушкин «Утопленник», Н. В. Гоголь «Вий». В чувашской словесности к такого рода тек-

стам относятся «Арсури» («Леший», 1879) М.Ф. Федорова, «Вёре сёлен» («Огненный змей», 1912) М. Д. Данилова, «Арсури (Каласа панинчен)» («Леший (Из рассказанного)», 1908-[1920]), «Вуташ хёрё» («Девушка, обитающая в воде», [1920]), «Вупар» («Вубыр», 1927) М. Д. Трубиной, «Вёри сёлен» («Змей-соблазнитель», 1923), «Сичё тухатмаш» («Семь ворожей», 1923) Н. В. Васильева и др.

Былички активно бытуют в народе и по сей день. Это один из самых древних жанров устного народного творчества, самый живучий и интересный, в то же время малоисследованный.

Материалы и методы исследования

Работа выполнена в ходе составления тома быличек из серии свода чувашского фольклора в секции фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее ЧГИГН) «Чаваш халăх пултарулахё»¹. Материалом исследования послужили включенные в указанный сборник тексты, архивные и собственные полевые материалы. Былички зафиксированы в конце XIX – начале XXI вв. в чувашских селениях Казанской, Самарской, Симбирской, Уфимской губерний, в настоящее время входящих в состав Татарии, Башкирии, Чувашии, Ульяновской и Самарской областей. Также анализируются тексты, записанные в Тюменской области. Всего изучено 646 быличек. Переводы текстов с чувашского на русский язык выполнены автором статьи.

Методы исследования – дескриптивный, аналитический.

Предпринятые изыскания позволяют глубже представить картину мира чувашей, расширят понимание их традиционной культуры, мифологии, этнографии, языка, фольклора в целом.

Результаты исследования и их обсуждения о чувашских быличках и ее персонажах

Усал-тёсел халапёсем (былички) – это рассказы с установкой на достоверность о встрече человека со сверхъестественными силами. Важная составляющая чувашских быличек – тексты о нечистой силе (*усал-тёсел*), прорицателях, людях со сверхъестественными свойствами (*тёлёмелле, халиччен пулман, пёлекен, пултаракан, хаватля; сән-сәпатне, кўлетине хай ирэкёне улаштарма пултаракан сынсем*), кладях и кладонскателях (*мул, пытарнă укça тата йна тупакансем*), мертвецах (*вилнисем*) и побывавших на том свете (*леш тёнчере пулса курнисем*), свидетельства о домашних духах (*кил-сурт таврашёнчи ыр-хаяр*), духах природы, обитающих в деревне и вокруг нее на неокультурных территориях; рассказы о топосах, обладающих таинственной магической силой (*ялти, ял таврашёнчи ыр-хаяр, арамла вырйансем*).

Чувашские былички привязаны к какому-либо персонажу, определенному месту в пространстве: в основном к пугающим местам, «местам, где неведомая

сила заставляет плутать, не дает найти дорогу, сбивает с пути» или местам, связанным с кладом. Привязка также возможна к особым дням или ночам, например: *калым каç, калым каç сёр* – ночь (пограничное время) перед весенним праздником чувашей, живущих по старой вере, совпадавшая с пасхой, когда колдуны проявляют свои трансчеловеческие способности: становятся оборотнями, т. е. превращаются в предметы обихода или в домашних животных. Время и место рассказывания быличек, «время для частных бесед» [Левкиевская, 2008, с. 343] – это темное время суток: зимой на посиделках, в доме, где собирались соседи, чтобы порукodelьничать и заодно рассказать друг другу сказки, случаи из своей жизни и жизни своих знакомых, куда непременно входили и *чын пулни* (были, былички) – то, что было на самом деле. В основном рассказывали взрослые, а дети и молодежь слушали. Летом в ночное дети сами рассказывали друг другу о произошедшем на самом деле: о встрече их самими или знакомыми с мифологическими персонажами, больше всего о лешем *арсури*, злых духах *усал*, черте *шуйттан*. В ночь *калым*, по-чувашски называемой *калым каç*, люди вспоминали разные случаи из своей жизни и жизни знакомых, односельчан, связанные именно со встречей с колдунами-оборотнями. В классическом традиционном бытовании былички рассказывались друг другу в своем кругу, причем слушатели тоже по очереди рассказывали примеры из собственной жизни или же из жизни знакомых им людей. При этом каждый из них был включен в традицию: знал чувашскую мифологию, персонажей, их признаки, место и время обитания. Классическим примером передачи быличек служит рассказ М. Трубиной «Вупар» (1927)², где рассказчик повествует читателю случай из своей жизни, пережитый в детстве страх от увиденного: он видел, как *вупар* якобы ест луну. Здесь же приводятся рассказы соседа героя-рассказчика, старого человека, бывшего бурлака, а также своего родителя о произошедшем ранее таком же случае.

Таких примеров быличек из жизни чувашей, записанных циклично, по ходу рассказывания, сохранилось немного. В книге чувашского просветителя И. Я. Яковлева «Моя жизнь: воспоминания» есть рассказ о том, что по ночам «любил слушать страшные сказки, которые Иван придумывал сам...»³. Но самих текстов страшных сказок он не приводит. Вероятно, это были былички – в них всегда присутствует элемент страшного.

В сочинениях студентов Аксубаевского чувашского педагогического техникума также находим сведения о ночном. Ими последовательно описываются приезд на ночное, игры, сбор хвороста для костра, приготовление еды в золе, сказки и рассказывание о страшном: *Унтан пёр Вася ятлă усал ача пире шуйттансем синчен каласа хăратма пусларё. Энё ёненместён. Ылтисем ёненмеллитех ёненчёс. Энёр, теçсё, кёсёр учуќ*

2 Трубина М. Вупар // Сунтал. 1927. №6. 8 с.

3 Яковлев И. Я. Моя жизнь : воспоминания / вступительная статья Л. П. Куракова, археография, предисловие Г. Н. Плечова ; примечания, именной указатель Н. Г. Краснова. Москва : Республика, 1997. 696 с.

1 Материалы представлены в виде рукописи в научном архиве ЧГИГН в отделе временного хранения (инвентарный номер – 3350, год поступления – 2018).

варёнче, кунта пире шуйттансем хӳратаҫҫӗ теҫҫӗ⁴ (Потом мальчик Вася начал пугать нас рассказами о чертах. Я не верю. Остальные поверили. Говорят, мы сей ночью в ложбине учӳк, нас здесь черти будут пугать). Что именно рассказывал мальчик про чертей – не зафиксировано.

Былички, хранящиеся в рукописных фондах научного архива ЧГИГН, в основном записаны собирателями при ответе на вопросы анкеты. Их фиксировали по отдельности как самостоятельный текст по персонажам, не по цепочке, как они рассказывались «во время частных бесед». Но есть и единичные примеры, когда запись текстов выстроена в цепь.

В большинстве текстов персонаж называется напрямую. Он номинирован для читателя, не вовлеченного в эту традицию, так как рассказы фольклористами записывались для чужих – для тех, кого не знают. Такого рода тексты уже находятся вне традиции: они записаны на бумажный носитель не для слушателей, которые могли бы рассказать в ответ свои былички, как было в традиционном бытовании, т. е. могли продолжить цепь рассказов о встрече с мифологическим персонажем.

В традиционном же бытовании – во время рассказывания страшной истории, имевшей место в жизни, – персонаж былички не номинирован, он загадан. Слушатели сами должны узнать, о каком персонаже идет речь, так как и рассказчик, и слушатели все являлись носителями одной традиции. Подобные тексты, в которых персонаж не номинирован, тоже имеются в научном архиве ЧГИГН: *Эпӗ ҫав сумаха ёненмен, пӗре ҫаһах илтӗм: Куҫма Матвей пӳртекуҫнче ача макрать*⁵ (Я не верил этим байкам, однажды на самом деле услышал: ребенок плачет в сенях Кузьмина Матвея). Ответ загадываемого текста – *усал* (нечистая сила); *Тата Тетӗш уесӗнче Аслӑ Кушӑкра пӗрре пуху пулӑ тет те; пуху патне пыӗ тет икӗ лашапа трантаспа пӗр ҫын. Пӗр ҫынна каларӗ тет ятран: «Кил-ха, лар-ха трантас ҫине хам ҫумма», – тесе каларӗ тет. Вара леш ҫын пырса ларчӗ тет те чуптарса кайрӗҫ тет. Ку ҫын аҫта илсе кайнине пӗлмерӗ тет, ӑнран кайрӗ тет; вара лашапа пыни каларӗ тет ку ҫынна: «Хуп куҫна», – тесе каларӗ тет. Ларса пыракан ҫын каларӗ тет: «Ах, Турӑ», – тесе. Хай ҫын ҫыран хӗрринче урине усса лара паратӑп тесе каларӗ тет пухӑва пырса. Вара пухури ҫынсем тӗлӗнсе кайрӗҫ тет*⁶ (Еще в Тетюшском уезде в Аслӑ Кушӑк однажды было сборище, и к сборищу подъехал некий человек на тарантасе, запряженном двумя лошадьми. Он окликнул другого человека по имени: «Подойди, пожалуйста, садись на

4 Текст записан студентом Аксубаевского чувашского педагогического техникума В. Котковым в 1936 г. в д. Сиктерме (совр. Хузангаево, чув. Сиктӗрме) Аликеевского района Татарской АССР. Материалы лингвистической экспедиции в Татарию в 1936 г. Научный архив ЧГИГН (далее – НА ЧГИГН). Отд. 1. Ед. хр. 122. 541 с.

5 Записан в 1902 г. В. С. Ченчуковым в с. Тенеево (чув. Тени) Аликовской волости Ядринского уезда Казанской губернии, в настоящее время Аликский муниципальный округ Чувашской Республики. НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 237. 164 с. Здесь и далее диалектные особенности текстов сохранены.

6 Записан в 1905 г. В. Т. Салминовым в с. Большая Таяба (чув. Аслӑ Таяпа) Тетюшского уезда Казанской губернии, в настоящее время Яльчикский муниципальный округ Чувашской Республики. НА ЧГИГН. Отд. 1. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 159. 240 с.

тарантас рядом со мной». Когда этот человек подошел, сел, ускакали. Этот человек не знал, куда его везут, был ошеломлен. Тогда приехавший на лошадях сказал этому человеку: «Закрой глаза». Человек произнес: «Ах, Господи!». После произнесения этих слов все это (две лошади, тарантас, человек) исчезло с глаз рассказчика. Вернувшись обратно на сход, этот человек рассказал: сию, мол, на берегу, свесив ноги. Тогда собравшиеся удивились). Ответ загадываемого текста – *усал* (оборотень, нечистая сила).

В тексте есть и страх, и эмоции, которые являются обязательными в быличке. В традиционном случае загадывания былички рассказчиком равносильно тому, что человек загадывает загадку, только вместо традиционной загадки в современном понимании загадывается быличка без номинирования персонажа, но с указанием локуса, функций, внешнего вида и действий. По этим данным слушатели должны отгадать мифологического персонажа. В этом случае загадываемые тексты рассказывались для отгадывания в дидактических, поучительных целях. Рассказчик не просто передавал опыт собственного познания мира загадочных, неведомых сил – мифологических персонажей, но и делился знаниями. Подобные тексты древнее загадок.

Чувашская быличка информирует слушателей, а в современных условиях и читателей, о мифологических персонажах, их действиях и функциях, времени их активации, осторожных действиях, которые нужно знать человеку, который ощутил действие мифологического персонажа, репрезентирует мифологическую информацию, инструктирует, как избежать возможных негативных последствий.

В корпусе чувашских быличек имеются объемные тексты, которые рассказывают о событии, произошедшем в течение нескольких часов, например, о возвращении мертвеца на проведение в честь него похоронно-поминального обряда *юпа*. Мертвец участвует в нем, затем за ним приходят неизвестные из иного мира и силой уводят – он не хочет уходить. И все это будто видел один чуваш, возвращающийся на санях из селения Лысково⁷ Нижегородской области. По дороге догнал его умерший человек и попросился сесть в сани. Данный рассказ представляет собой уникальный текст, в котором говорится о том, как живой человек долго общается с мертвым, который шел на свой *юпа* – пир, устроенный по случаю его перехода в другой мир. Обычно, в представлении чувашей, умерший человек до проведения *юпа* еще не полностью ушел в мир иной, и с ним допустимо краткое общение в вопросно-ответной форме. Иногда ответ с его стороны может и не последовать.

Еще имеются примеры народных повествований о том, как *вупкӑн / инкек* (бедность) преследует человека: временной охват этих рассказов составляет несколько лет⁸.

В цикле чувашских быличек о том, что происходит на посиделках *улах ларни* кульминационным моментом является распознавание нечистой силы малолетни-

7 Лысково (чув. Лискав) – селение в Нижегородской области, город с 1922 г. Текст записан в 1912 г.

8 «Вупкӑн», «Пӗр ҫаваш почта ямшӑкӗнче сӳренӗ...». НА ЧГИГН. Отд. 3. Ед. хр. 213. Л. 36 (об.)–37.

ми девочками. Когда на посиделки приходит нечистая сила в виде парней, девушки их не распознают. Они принимают их за настоящих молодых людей. Но среди девушек оказывается сестренка одной из них, которая видит, что это не парни, а нечистая сила: у них во рту огонь, вместо ног лапы или копыта, имеется хвост. В текстах не указывается, сколько было лет сестре, но она намного младше этих девушек. В рассказах повествуется, что она одна не выходит вечером на улицу, ее сопровождает старшая сестра. Судя по содержанию текста, сестренкой «считается дитя до семи лет, безгрешное и неподвластное козням нечистой силы» [Бернштам, 1988]. Поэтому она, в отличие от взрослых людей, обладает даром узнавания чертей и тем самым спасает свою старшую сестру.

Встречаются былички и бывальщины, в которых мифологический персонаж не номинирован: существует табу на произнесение слов, называющих нечистую силу. Так же бывает в том случае, если нет названия мифологическому персонажу. Ими, например, в русской фольклористике являются проклятые, подмененные или похищенные. В чувашских быличках в данной роли выступает девушка, которую прокляли или бросили в младенчестве родители, которая при благоприятном стечении обстоятельств вызволяется из состояния проклятья парнем либо солдатом, женившимся на ней. Свадьбе предшествует крещение. На нее тайком накидывается нательный крест, и после этого она начинает жить полноценной человеческой жизнью. Уничтожается и «обмен» – уродливый двойник похищенной девицы⁹. Иногда, при преднамеренном ударе оземь, об пол, он превращается в полено.

Изучая былички русских Чувашского края, в частности, о русалках, М. Ю. Черноярова тоже замечает номинированность персонажа респондентами: «Дух не всегда номинирован, но его принадлежность определяется пространственными координатами» [Черноярова, 2014, с. 334], через которые слушатель должен отгадать о ком из мифологических персонажей идет речь.

Некоторые чувашские былички, например, об *у́п-те (екёте)* обезьяне – «ипостасях *арсури* лешего» [Ендеров, 1984, с. 49–73], со временем отошли от своего жанра: в народе они стали рассказываться как сказки, оставляя на задний план имена конкретных людей, свидетельствующих о достоверности. Аналогичный процесс происходит и с мордовской быличкой, «основанной на вере в духов-покровителей стихий природы и домашнего хозяйства. Их все сложнее становится найти и зафиксировать, и они все более трансформируются в сторону сказки, что свидетельствует о необратимых процессах вымывания из народного сознания веры в реальное существование духов природы и домашнего хозяйства¹⁰.

9 Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом); составление, подготовка текстов, вступительная статья и комментарии М. Н. Власовой. Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2013. 847 с.

10 Девяткин С. Г. Быличка // Мордовская мифология: энциклопедия: в 2 томах / научные редакторы В. А. Юрченков, И. В. Зубов; Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2013. Том 1. 125 с.

Рассказы разных народов о мифических существах отличаются деталями, локальными особенностями, ассортиментом образов, конкретным набором сюжетов, но не жанровыми свойствами. Описание обстановки, пейзажа, упоминание бытовых предметов придают таким рассказам национальный колорит, в то же время они даже в большей степени, чем сказки, интернациональны по своему характеру [Тростина, 2014, с. 38–42]. По наблюдениям Э. В. Померанцевой, «южно-славянские рассказы, русские былички и бывальщины, эстонские предания, мордовские сказки о хозяине или хозяйке леса отличаются друг от друга обрисовкой и характером основного персонажа и вместе с тем глубоко родственны друг другу в силу типологической общности самого жанра – мифологического рассказа, суеверного мемората или фабулата» [Померанцева, 1975, с. 26]. Вместе с тем «близость друг к другу, даже общность демонических образов, живущих в представлении разных народов, не лишает их национального своеобразия: каждый из этих образов имеет свои особые черты, рассказы о нем отражают жизнь и быт того или другого народа» [Померанцева, 1975, с. 32].

Чувашские былички имеют территориальные особенности. Например, былички верховых чувашей отражают ситуацию вкратце. Есть примеры, когда некоторая часть текста просто подразумевается: ее надо знать, она читается между строк, например: *Ё́лк-авал осал туса порнса Торхантай Торрипе Екремре пёр сын сортана. Вёл сортана осал туват, сын вилет. (Торхантай Торри – киремет.)*¹¹ (Давным-давно жил некий человек, творивший зло со свечой в киреметях Торхантай Торри и Екрем. Он свечой делает зло, чтобы произошло худое, плохое, люди умирают). В тексте былички не говорится о том, что люди умирали от колдовства, наведения порчи, просто отмечается: он с помощью свечи делает зло, человек умирает. В первой части описывается действие, во второй части приводится следствие.

Такую же подачу материала наблюдаем в следующем примере: *Стан ялёнчи Эхвер Петёрне усалсем лаша туса таканласа кўлсех кайрёс тет. Вёл ну́р-най чух калатчё тет: «Эпё вилсен мана хуть те таканласа сўретчёр», – тесе. Ана таканлама усалсем тимёрсе кашни уришён пилёкшер тенкё пань, тават уришён сирём тенкё пань тет*¹² (Сказывают, что в деревне Стан черти Петра Эхвера обернули в лошадь, подковали, запрягли и уехали. Он еще при жизни говорил: «Когда я умру, пусть меня даже подкуют и будут ездить». Чтобы Петра подковать, черти кузнецу за каждое копыто дали по пять рублей, за четыре копыта двадцать рублей). Человеку, включенному в традицию рассказчика, мысль рассказа понятна. Для остальных она малоинформативна. По чувашским верованиям, людей, не захотевших жить до естественной смерти, на

11 Записан в д. Нижние Олгаши / Березовые Олгаши (чув. Лап Олкаш) Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, в настоящее время Моргаушский муниципальный округ Чувашской Республики. Когда, кем записано, неизвестно [Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1937. Т. 14. 174 с.].

12 Записан в 1911 г. в д. Оточево (чув. Очакасси) Ядринского уезда Казанской губернии, ныне Моргаушский муниципальный округ. Кем записано, неизвестно. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 179. С. 79.

том свете превращают в лошадей, которых черти подковывают у кузнеца за большие деньги: отдают много больше установленной цены. Черти приходят подковать превращенную из человека лошадь чаще всего ночью. Петра Эхвера после смерти черти превратили в лошадь, подковали его, затем запрягли и уехали на нем. В тексте говорится, что Петр еще при жизни будто говорил: после смерти на нем, подкованном, можно будет ездить. Так оно и вышло. Как говорят чуваши, *çаварна калани куç умне килет*, т. е. сказанное устами явится перед глазами [Федотова, 2019, с. 267–268].

Рассмотрим текст о людях со сверхъестественными способностями, например, о превращении человека в корыто: *Вопър карчаксам калъм каç çырмара валашка полса выртакчĕ тет. Çынсам кайнă та – портăпа каснă, кăшкăрать тет вара çав каска*¹³ (Говорят, старухи-вопъры в ночь на калым на реке превратились в корыто и лежали на берегу. Люди пошли и порубили корыто топорами, кричит, говорят, корыто). Односельчане знают, кто, когда и чем занимается. Знают они и оборотней своей деревни и места их превращений, предмет, в который они могут обернуться. Некоторые из них превращались в корыто. Когда люди сознательно рубят его, оно кричит от боли. Односельчанам не нравится, что в их деревне есть оборотень, люди всячески стараются устранить его. Деятельность колдунов и оборотней, которые чаще всего приносили вред окружающим, внушали страх.

У низовых и средненизовых чувашей быличка рассказывается чаще всего более пространно, с подробностями, описаниями деталей с фотографической точностью. Но так происходит не всегда. Все зависит от ситуации, времени суток, возраста рассказчика, степени включенности собирателя в традицию, его заинтересованности в подробностях, бережного отношения к каждому произнесенному слову рассказчика, к деталям повествования.

Содержательной особенностью также является концовка быличек, где может приводиться поучение: что нужно сделать, чтобы не было худо, чтобы не встретить и не стать жертвой нечистой силы [Федотова, 2021, с. 159–160]. Это своеобразные моменты поучений для оберега, акцентирования внимания основным деталям по завершению трудового дня: *Туррăн ятне хуть аста пырсан та асăнса çуре тенĕ авалхи таса çынсем*¹⁴ (Древние святые люди говорили, что всегда повсюду надо помянуть имя Всевышнего); *Хĕрт-сорта ним те калаç çок тит, атту вăл çопать тит. Кăнчала арласа пĕтерсен хĕрт-сорт арласран сыхса хомалла тит*¹⁵ (Говорят, хĕрт-сурт ничего не нужно говорить, а то она даст пощечину. После прядения, чтобы хĕрт-сурт не прядла, надо завязать прялку).

В чувашском корпусе текстов есть былички, где отражается синкретизм дохристианской и христианской религий. Это касается обережной части рассказа, в кол-
13 Записан в 1984 г. З. Александровой в д. Шомиково (чув. Шомик) Моргаушского района. НА ЧГИГН. Книга поступлений 12. Инв. № 6274. Тетрадь № 40.
14 Записан в 1906 г. Н. И. Шивыровым в д. Тенеево (чув. Теней/Ёсеклус) Федоровской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Рукопись названа «Халапсем. Пулнă ёссем». НА ЧГИГН. Рукописный фонд Н. В. Никольского. Отд. 1. Ед. хр. 160. С. 106–113.
15 Записан в 1939 г. у Перасковьи Жертановой М. М. Федоровым в д. Хирлукасси (чув. Хирлукасси) Красночетайского района Чувашской АССР. Научный ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 77. Л. 81–81 (об.).

торых, например, могут сочетаться обереги дохристианского быта в виде смены обуви с правой ноги на левую и наоборот, использования *пилеш турачĕ* (рябинового прута) или прута с шипами *йĕплĕ турат* (шиповника) с оберегом христианской культуры в виде чтения православной молитвы и обращения к *сăх сăхни* (крестному знамени) либо тайному накидыванию нательного креста. Последнее описано в быличках о *вутăш*.

Чувашская *вутăш* (аналог русской русалки) при очищении крестом или накидывании на нее креста способна жить в реальном мире, как человек. Этому есть конкретный пример, записанный учителем И. Ивановым в 1881 г. из жизни реальных людей Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Буинского и Тетюшского муниципальных округов Республики Татарстан)¹⁶.

Об аналогичном тексте есть публикация Н. Каменского в «Известиях по Казанской епархии»: «Чувашские *вутăш* представляют в образе молодой, красивой девицы, у которой волосы всегда бывают длинные. Чувашские рассказывают о русалках, будто они по временам выходят на берег и расчесывают свои волосы. Когда русалка заметит, что к ней подходит какой-нибудь человек, тотчас же она ныряет в воду. Есть еще предание, будто один человек Чистопольского уезда Новоадамской волости деревни Старосавруши, заметивши на берегу русалку, расчесывавшую свои волосы, подошел к ней, но русалка быстро нырнула в воду и оставила на берегу расческу или гребень. Тот человек увидел расческу и взял ее. Вспомнив про забытую расческу, русалка вышла из воды и стала просить ее, тот сказал ей: «Если ты выйдешь за меня замуж, то я возвращу тебе твою расческу». Русалка согласилась на это предложение и вышла за него замуж. Они жили вместе долго и оставили детей, которые до сего времени называются потомками русалки. Чувашские говорят, что эта история действительная»¹⁷.

Описание традиционной чувашской одежды и национальных женских украшений в быличках

В чувашских быличках встречается описание традиционной национальной одежды и украшений: «У нас в лесу есть овраг, называемый «виле варĕ» (овраг мертвеца). В этот овраг один чувашин бросил свою зарезанную жену. Эта женщина часто является прохожим в различных видах и старается сбивать проезжих с пути всевозможными средствами. Один чувашин рассказывал, как очевидец, что он раз пошел в этот лес лыко рубить. Заходя в «виле варĕ», увидел у большого дуба женщину в белом одеянии и в свадебном наряде – с «шўлкеме»¹⁸, «хушпу»¹⁹, «аму»²⁰. Женщина стояла лицом к дереву, а сзади видно было «шўлкеме». Мужик, намереваясь сорвать с нея «шўлкеме», схватил

16 Записан в 1881 г. И. И. Ивановым в округе Девятиселья (чув. Тăхăр ял) в Буинском уезде Симбирской губернии (ныне эти селения входят в Буинский и Тетюшский муниципальные округа Республики Татарстан). Ранее рукопись приписывалась М. П. Петрову. НА ЧГИГН. Отд. 1. Рукописный фонд Н. И. Ашмарина. Ед. хр. 31. Чăвашсем. С. 45–48.

17 Каменский Н. Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш // Известия по Казанской епархии. Казань. 1878. № 24. С. 673–683.

18 *Шўлкеме* – нагрудное женское украшение из мелких бус и монет.

19 *Хушпу* – женский головной убор, украшенный монетами и бусами.

20 *Ама* – женское нагрудное украшение из монет.

было за край его, – но неожиданным и сильным взмахом руки женщина отбросила его назад. Мужик упал и в бесчувственном состоянии долго лежал, а потом, придя в себя, он встал, но женщина тогда пропала; и он скорее отправился домой»²¹.

В другом тексте также описывается чувашский наряд девушки: *Каç та пулса килет. Шыв хёррине пынă чух хайхи Шёкёр чăвашё пёр хитре хёре курах каять. Хёрё чăвашла тумланнă: тухъяллă, тенкёллĕ илемлĕ хёр. Унăн аллинче витре пулнă. Шёкёр чăвашё а́на тёлёнсе кайсах пăхса тăрать... <...> «Турă çырлах! Ах, Турă! Мёнле капла пуян эсир?!» – тесе калама сех ёлкёрнё Шёкёр чăвашё. Вăл Турă ятне асăнсанах хай илемлĕ хёр те, вёсен чаплă сурчĕ те сасартăк куçран сухалнă. Сётсе кайнă чăваш каллах пёр-пёччен кăна тарăн çырма хутламёнче тăра панă»²² (Настает ночь. Когда шел по берегу реки, чуваш из Казаково неожиданно увидел красивую девушку. Девушка была одета в чувашскую одежду: красивая девушка в тухье с украшениями-монетами. В ее руке было ведро. Чуваш из Казаково стоит, с удивлением на нее смотрит... <...> «Боже, помилуй! О, Боже! Как вы так богаты?!» – только и успел сказать чуваш из Казаково. Как он помянул Бога, и та красивая девушка, и их красивый богатый дом вдруг исчезли с глаз. Заблудившийся чуваш опять остался один-одинешенек, стоял в изгибе глубокого оврага). Здесь образ девушки в национальной одежде – *чăвашла тумланнă* (одета по-чувашски). Девушка в девичьем головном уборе *тухья*. Также на ней девичье украшение из монет – *тенкĕ*.*

Персонажи быличек ходят не только в чувашской одежде, но иногда совершают действия, выдержанные в национальных традициях, например, пляшут и поют, обернувшись в образ женщины-участницы свадьбы: *Ситинкке варёнче туй арăмĕ пулса ташиласа юрлатчĕ»*²³ (В Яре Сибинке плясала и пела в образе женщины-участницы свадьбы).

Древние традиции и редкие словесные выражения в быличках

Былички сохраняют в себе и древние традиции. Даже в текстах, зафиксированных в 1980 г., встречаются редкие оригинальные детали, к которым следовало бы относиться более бережно. Некоторые архаичные выражения, ныне бытующие только в текстах быличек, отражают в себе важные моменты. В частности, такого рода выражения представляют ценную информацию для реконструкции древнего свадебного обряда. Например: «*Вăкăр варĕ тăрăх туй хушпуна пынă пулнă* (выделено нами. – Е. Ф.). *Çав туй халăхĕ пётĕмпех вилнĕ. Те сёр сятнă вёсене. Çав тёлелле ёлкĕ шулăх пулнă тет. Сёр семсе пулнă, халь унта типнĕ. Вăт саванта сёр сятнă вёсене. Ку тирĕн аннесем сураличченех пулнă тет. Пёрисем сак Вăкăр варĕ тăрăх*

21 Записан в 1910 г. в д. Собаккасы (чув. Сопакасси) Янгильдинской волости Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, в настоящее время Чебоксарский муниципальный округ Чувашской Республики. Текст на русском языке. Орфография составителя рукописи 1910 г. сохранена. НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 177. С. 513–520.

22 Рукопись С. В. Эльгера. Папка с записями-воспоминаниями. Фольклорные материалы. НА ЧГИГН. Отд. 5. Ед. хр. 204. 12–33. С. 18–20.

23 Записан в 1902 г. в с. Тенеево Аликовской волости Ядринского уезда Казанской губернии. НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 237. 164 с.

иртсе пыраççĕ тет. Хайхи вăрман енчен туй кёрлесе килет тет: ташиласа, юрласа. Кусем хăраса ўкеççĕ тет. Туй сывхарса килет тет, анчах никам та кураймасть. Кусен купăс пулнă тет. Хайхи купăсне каласа яраççĕ. Çав вăхăтрах туй сасси пётет. Кусем вара хăвăтрах ка[я] ççĕ унтан. (По Бычьей ложбине шел свадебный поезд в хушпу. Участники этой свадьбы все погибли. То ли земля их проглотила. Примерно в тех местах в старину болотистое место было. Земля была мягкой, сейчас там высохло. Вот там земля их проглотила. Это было еще до рождения наших матерей. Однажды шли по этой Бычьей ложбине некие люди. Откуда ни возьмись со стороны леса свадьба идет (приближается к ним) с шумом: распевая, танцуя. Испугались люди. Свадьба приближается, но никого не видно. У этих гармонь была. Вот они и заиграли на ней. В тот самый момент звуки свадебных песен и плясок исчезли. Эти быстрее ушли отсюда)»²⁴.

Для людей, не вовлеченных в древнюю чувашскую свадебную традицию, возникает вопрос: как может идти свадебный поезд в хушпу? На этот вопрос частично можно ответить на основе изучения семантического поля слова *хушпу*, а также, возможно, записей рукописных фондов научного архива ЧГИГН, описывающих старинный свадебный обряд. Как нам представляется, свадебный поезд в хушпу – это свадебный поезд, участники которого едут в поезде в хушпу – *туй арăмĕсем* – замужние женщины-чувашки в национальном головном уборе хушпу. Возможно, с ними были и мужчины. Звон серебряных монет богато украшенных хушпу раздавался вокруг мелодичным звоном. Судя по контексту, здесь хушпу охватывает, одним словом, всех участников свадьбы – и мужчин, и женщин. Но вопрос остается открытым для более подробных исследований в перспективе с привлечением дополнительного материала.

В некоторых текстах иногда можно наблюдать людей-носителей чувашской традиции, как будто испытывающих дружественное отношение к так или иначе мирным мифологическим персонажам. Известен текст, в котором женщина назвала *арсури* кумой, чтобы вернуть обратно ребенка, забытого семьей в поле на краю леса: *арсури* нянчился с ним. В следующем тексте, например, встречается редкое выражение, адресованное самому персонажу: *Çўлте, ял вёçёнче авăн санинă. Сёрле, тул сўтăлас умён пёри киле кайма тухнă. Лашине кулнĕ те пырать. Çав вăхăтра сул синче урапа сине пёри, тăлăп тăхăннăскер, лăп сес у[лă]хса ларчĕ тет. Мёнле ларчĕ, саван пек лаши те тăп сес чаранса тăчĕ тет. «Ох, хоспоти помилуй, ку кашкăр кёстенки мён тума ухса ларчĕ кунта?» – тесе калать тет. Мёнле хоспоти помилуй тесе каларĕ, саван пек сынни те сухалчĕ тет, лаши те тапранса кайрĕ тет»²⁵ (На холме, в конце деревни, молотили хлеб. Ночью перед рассветом некий*

24 Записан в с. Климово (чув. Кёлĕмкасси) Ибресинского муниципального округа Чувашской Республики, относящейся к этнографической группе анатри.

25 Записан в 1984 г. в с. Климово Ибресинского района Чувашской АССР у Ф. А. Орловой 1911 года рождения. Научная библиотека Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Отдел редких книг и рукописей. Фольклорные материалы, записанные студентами Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова в разные годы. 1984. Тетрадь (номер не указан). С. 72. Публикуется впервые

человек собрался ехать домой. Лошадь запряг и поехал. Едет. В это время на дороге один, одетый в тулуп, резко сел к нему на телегу. Как сел, так и лошадь встала. «Ох, Господи, помилуй, этот волчий свербель зачем еще сел сюда в мою телегу?», – сказал он. Как произнес молитву, так и исчез тот человек, и лошадь пошла). В этом тексте хозяин лошади вопрошает в жесткой форме у персонажа неясной номинации, почему это он сел на его телегу, произносит осторожное выражение, и тот покидает его телегу. Из подобных текстов видно, что представители этого и параллельного мира иногда уживались между собой, не причиняя друг другу особого вреда. В данной записи также сохранилось редкое выражение *кашкър кѣстенки* (волчий свербель), употребляющееся во время возмущения. Оно не зафиксировано ни в словаре чувашского языка Н. И. Ашмарина, ни в чувашско-русском словаре под редакцией М. И. Скворцова.

Ономастика быличек

В чувашских быличках встречаются следующие ойконимы: *Тетѣш* (Тетюши), *Шупашкар* (Чебоксары), *Чикме* (Козьмодемьянск), *Лыскав / Лискав* (Лысково), *Слакпуш* (Слакбаши), *Аслă Күшăк* (Большие Кошки), *Шĕкĕр* (Казаково), *Сăнар* (Санары), *Шăнкас* (Клычево), *Коракăши шĕшкĕ* (Орешник в Корагыши), *Туша вăрманĕ* (Тойсинский лес), *Ситинкке варĕ* (Яр Сибинке), *Тарăн вар* (Глубокий яр), *Мăрсакай сьрми* (Речка Мързаккай) и др. Топонимы также являются своими национальными, чувашскими, которые больше нигде не встречаются, а только там, где живут герои свидетельских рассказов. Данная черта – еще одна важная особенность чувашских быличек. Представленные ойконимы, как и указания на конкретные антропонимы, придают быличкам убедительность: есть некий факт, который не поддается логическому объяснению.

Любопытная деталь обнаруживается в группе названий персонажей, о которых былички не зафиксированы, скорее они утеряны. При этом номинации этих

персонажей встречаются в текстах, относящихся к другим жанрам. Например, в текстах заговоров упоминается персонаж *авăн ийи* (ийе овина, ови́нник). О том, какие бывают ийе, можно найти сведения в архивных записях²⁶. Другой пример представляет такой персонаж, как *суккър пери* (слепой пери), зафиксированный только в одном тексте. Между тем в народе о нем говорят и по сей день.

Выводы

Былички открывают аутентичный мир носителей чувашской традиционной культуры. Действия персонажей углубляют знания об их функциях. Тексты быличек поражают свидетельствами об иномирном, полностью еще неизвестном. Вместе с тем былички сохраняют в себе редкие этнографические свидетельства, которые в настоящее время в живом бытовании уже не наблюдаются.

В быличках можно найти ранее не зафиксированные, уже не употребляемые языковые выражения. Изучаемые тексты несут в себе новый этнографический и мифологический материал, достойный лексикографирования.

Чувашские былички транслируют традиционную культуру: персонажи говорят и действуют, соблюдают этикет согласно чувашским традициям, носят национальный костюм и украшения, исполняют народные свадебные песни и пляски. Исследование открывает новое в описании портретов, действий, речи чувашских мифологических персонажей быличек и тем самым обогащает знания в области традиционной культуры, фольклора, языка и этнографии.

26 ...*Çапла вара тĕрлĕ вьрăнти иесем: пÿрт ийи, карта ийи, мунча ийи, уй ийи, вăрман ийи, арман ийи, сул ийи, сьрма ийи, шыв ийи – пулса тăнă. Иесем – вĕсем сывлăшсем, куша курăнмасĕ. Этем куçне курăнас пулсан, вĕсем е этем сăнне е урăх чĕрчун сăнне илесĕ.* НА ЧГИГН. Отд. 3. Ед. хр. 213. Л. 37.

Список литературы

- Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Ленинград : Наука, 1988. 279 с. EDN [YXBUSL](#)
- Ендеров В. А. Образ лешего (арсури) в чувашском фольклоре // Исследования по чувашскому фольклору. Чебоксары, 1984. С. 49–73.
- Левкиевская Е. Е. Быличка как речевой жанр // Фольклористика и культурная антропология сегодня: сборник статей в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. Москва, 2008. С. 341–363. EDN [RDOGMR](#)
- Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре / АН СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва : Наука, 1975. 191 с.
- Тростина М. А. Образная система современных мифологических рассказов русских и мордвы (на фольклорном материале, собранном в Республике Мордовия) // Финно-угорский мир. 2014. №4. С. 38–42. EDN [TKBEVT](#)
- Федотова Е. В. Мифологический рассказ о кладах как художественная основа произведения Игнатия Иванова «Не зарься на готовое, припаси сам» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. №3. С. 182–188. EDN [IIZRNL](#). DOI [10.26293/chgpu.2019.103.3.024](#)
- Федотова Е. В. Мифологические рассказы чувашей юга Тюменской области (по материалам экспедиции 2006 г.) // II Сибирский форум фольклористов: к 90-летию со дня рождения А. Б. Соктоева, основателя серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск : Алекспресс, 2021. С. 159–160. EDN [DHWOXE](#)
- Федотова Е. В. Чувашские былички о превращениях заложных покойников в лошадей // IV Всероссийский конгресс фольклористов. Москва : ГРДНТ имени В. Д. Поленова, 2019. Том 2. С. 267–273. DOI [10.24411/9999-022A-2019-10235](#)
- Черноярова М. Ю. Русалки как традиционный персонаж русских мифологических рассказов Чувашского края // Ашмаринские чтения. Чебоксары : Издательство Чувашского университета, 2014. С. 333–336. EDN [UMRZOB](#)

References

- Bernshtam T. A. (1988). *Molodezh' v obryadovoj zhizni russkoj obshchiny XIX – nachala XX v.: polovozrastnoj aspekt tradicionnoj kul'tury*. Nauka. EDN: YXBUSL
- Enderov V. A. (1984). Obraz leshego (arçuri) v chuvashskom fol'klоре. *Issledovaniya po chuvashskomu fol'klору*, 49–73.
- Levkievskaya E. E. (2008). Bylichka kak rechevoj zhanr. *Fol'kloristika i kul'turnaya antropologiya segodnya*, 341–363. EDN: RDOGMR
- Pomeranceva E. V. (1975). *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре*. Nauka.
- Trostina M. A. (2014). System of images of modern mythological stories of Russians and Mordovians (based on folklore material collected in the republic of Mordovia). *Finno-Ugric World*, 4, 38–42. EDN: TKBEBT
- Fedotova E. V. (2019). Mythological story on treasures as artistic basis of the works of Ignatij Ivanov “No need to covet the ready, save yourself”. *I. Yakovlev Chuvash state pedagogical university bulletin*, 3, 182–188. EDN: IIZRNL. <https://doi.org/10.26293/chgpu.2019.103.3.024>
- Fedotova E. V. (2021). Mifologicheskie rasskazy chuvashkej yuga Tyumenskoj oblasti (po materialam ekspedicii 2006 g.). *II Sibirskij forum fol'kloristov*, 159–160. EDN: DHWOXE
- Fedotova E. V. (2019). Chuvashskie bylichki o prevrashcheniyah zalozhnyh pokojnikov v loshadej. *IV Vserossijskij kongress fol'kloristov*, 2, 267–273. <https://doi.org/10.24411/9999-022A-2019-10235>
- Chernoyarova M. Yu. (2014). Rusalki kak traditsionnyy personazh russkikh mifologicheskikh rasskazov Chuvashskogo kraja. *Ashmarinskie chteniya*, 333–336. EDN: UMRZOB

Информация об авторе

Федотова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, методист, Чувашский республиканский институт образования Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация.;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3479-7455>;
e-mail: elena.fedotova.73@inbox.ru

Information about the author

Elena V. Fedotova – Cand. Sci. (Philol.), Methodologist, Chuvash Republican Institute of Education of the Ministry of Education and Youth Policy of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3479-7455>;
e-mail: elena.fedotova.73@inbox.ru

Поступила в редакцию 26.04.2023
Принята к публикации 20.05.2023
Опубликована 23.05.2023

Received 26 April 2023
Accepted 20 May 2023
Published 23 May 2023